

■ **ТЫЛ–ФРОНТУ** | Вместе с магнитогорцами меч победы ковали москвичи, киевляне и ленинградцы

Пять пудов муки и валенки

АЛЁНА ЮРЬЕВА

О роли Магнитки в годы Великой Отечественной войны сказано и написано немало. Но эта тема по-прежнему неисчерпаема. Рука об руку с магнитогорцами меч победы ковали москвичи, киевляне, ленинградцы: жители десятков советских городов, которые были вывезены с оккупированных мест в тыловую Магнитку. Они составляли особую категорию населения, которая просуществовала в СССР до 1947-го, – эвакуированные.

О возможной эвакуации не-которые из советских военачальников говорили ещё накануне войны. И даже разработали проект. Но Сталин отмахнулся от этой проблемы, считая такие мысли паникёрскими.

Подобного опыта у страны не было. И приобретать его пришлось в экстремальных условиях. Буквально в первые часы войны стало ясно – эвакуации не избежать. Немцы целенаправленно продвигались к советским промышленным центрам. Руководство СССР понимало

– гибель заводов означает гибель страны. Поэтому уже 23 июня 1941 года был создан Совет по эвакуации, а ещё через четыре дня появилось постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Несмотря на то, что ситуация на фронте ухудшалась с каждым часом, власти всеми силами старались избежать ажиотажа вокруг эвакуации. Примечательна реакция Сталина на происходящее: «Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация – это тоже элемент войны».

Итак, всё, что представляло ценность, следовало вывезти на восток, в безопасные районы. А то, что нельзя было эвакуировать, следовало уничтожить, разрушить. Врагу нельзя было оставить «ни килограмма хлеба, ни литра горячего». Людей тоже решили вывезти. Но... не всех.

Постановление об эвакуации сразу разделило граждан страны на разные категории. Одних вывозили в обязательном порядке. Других планировали отправить на восток чуть позже. А были и такие, которых не собирались эвакуировать вовсе. Кого же вывозили в первую оче-

редь? Существовало несколько проектов. В первоначальном «эвакуации подлежали квалифицированные рабочие вместе с предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных партийных и советских работников, дети до 15 лет». Во втором, исправленном варианте – «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с предприятиями, население, в первую очередь молодёжь, годная для военной службы, ответственные партийные и советские работники».

Дети до 15 лет были вычеркнуты из текста постановления. Но, несмотря на это, их всё равно вывозили. По данным уральских архивов, доля детей подросткового возраста среди эвакуированных составляла более 35 процентов.

Многие, отправляясь на Урал или в Среднюю Азию, не брали с собой зимних вещей. Надеясь, что вернутся домой через месяц-другой, когда наши войска откинут врага обратно к границе. Но вскоре и руководству тыловых областей, и самим эвакуированным стало ясно, что месяцем здесь не обойдётся.

Урал считался оптимальным регионом для эвакуации. Находился он не так далеко, как Сибирь. Имел

развитую промышленную базу. Так что была возможность разместить здесь и заводы, и служащих.

Перевозка людей и грузов проводилась за счёт государства. Каждый работник предприятия мог взять на дорогу 100 килограммов груза на себя и по 40 – на каждого члена семьи. За рабочими сохранялся трудовой стаж и зарплата за всё время, что они находились в пути.

В Магнитогорск первые эшелоны с оборудованием и людьми прибыли уже в начале июля. Население города на тот момент составляло 146 тысяч человек. Предполагалось, что Магнитка примет десять тысяч эвакуированных. На деле же их было в разы больше. Так что цены на товары и продукты питания резко рванули вверх.

Деньги, «замороженные» на сберкнижках, особой ценности не имели. В ходу были вещи. За одну пару валенок в начале 1942 года на рынках Магнитки давали пять пудов ржаной муки. На кусок хозяйственного мыла и семь коробков спичек можно было выменять пуд картофеля или стакан махорки. Пол-литра водки «стоили» один килограмм мяса или восемь – муки.

По данным областного архива, в Магнитку было эвакуировано 34 предприятия: из Мариуполя, Дне-

пропетровска и Днепродзержинска, Ленинграда, Москвы, Кривого Рога, Одессы, Керчи, Тулы и других советских городов. Вместе с ними прибыли рабочие, инженеры и их семьи. В здании бывшего пединститута располагались ленинградские бронетанковые курсы. Несколько лет в городе работал Московский театр сатиры.

Обязательной эвакуации подвергались не только квалифицированные рабочие и ценные специалисты, но и заключённые ГУЛАГа. Их тоже вывозили с прифронтовой территории. Правда, сведения об этом сохранились очень скудные. Известно, что за годы войны было эвакуировано 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний, а это более 750 тысяч человек.

Не менее болезненным для людей стал и процесс реэвакуации. Начался он ещё в середине войны. Жители возвращались на родные земли по мере их освобождения от фашистов.

После победы почти все рабочие промышленных предприятий захотели вернуться домой. Но сделать это оказалось не так-то просто. Для того чтобы покинуть завод, нужно было получить специальное разрешение. Самовольный отъезд расценивался как дезертирство.

Люди писали письма в высшие инстанции, устраивали забастовки. Ситуация постепенно накалилась до предела. С теми, кто соглашался остаться, подписывали особое трудовое соглашение. И тех, кто решил осесть в Магнитке навсегда, было немало...

Тема эвакуации занимает особое место в истории жительницы Магнитогорска Марины Потёмкиной. Профессор, декан исторического факультета изучению этого вопроса посвятила много лет, и в результате, на свет появилась книга «Эвакуанаселение в Уральском тылу». А ещё её пригласили участвовать в создании документального фильма, посвящённого той же теме. Идея принадлежала режиссёру Самарину Зеликину, который в прошлом сам пережил эвакуацию. Сегодня фильм разошёлся по всем российским школам. На уроках истории и краеведения ребята узнают об этой стране Великой Отечественной войны не только из учебников, но и из рассказов очевидцев.

Впрочем, большая часть информации об эвакуации и реэвакуации людей и заводов в годы Великой Отечественной войны до сих пор засекречена. Но учёные и исследователи надеются когда-нибудь узнать всю правду об этом ☺

■ **БЫЛОЕ**

История одной дружбы

АЛЁНА ЮРЬЕВА

В 1961 году Монгольская Народная Республика официально объявила о том, что вступает в завершающую фазу строительства социализма. Был принят пятилетний план, по которому Монголия из аграрной страны должна превратиться в промышленную.

Так началась история одной большой дружбы. Чего-чего, а передового опыта в самых разных областях деятельности в СССР было хоть отбавляй. Своими знаниями и достижениями советский народ щедро делился с другими, менее развитыми странами. Когда в Монголии началась большая стройка, оказалось, что нет главного – специалистов. Поэтому руководство страны обратилось к Советскому Союзу.

В конце 60-х–начале 70-х годов в советских городах стала появляться монгольская молодёжь. Вскоре 300 монгольских граждан принял Магнитогорск. Базой для обучения иностранцев стало профессионально-техническое училище № 15 – одно из лучших не только в городе, но и области. Перед прибытием первой монгольской группы педагогический коллектив прошёл жесткий инструктаж на предмет того, как вести себя с иностранцами. Запретов было много. Преподавателям, например, строжайше запрещалось покупать у студентов кожаные изделия – сумки, куртки, перчатки, коими в то время так славилась Монголия.

Поначалу не обошлось без шероховатостей. Как учить, когда студенты русского языка не знают, а преподаватели – монгольского? Так в учебной программе появилась русский язык, а на каждое занятие стали приглашать переводчиков.

Поначалу новые ученики многих удивляли. И поведением, и привычками. Даже фамилий у этих студентов не было. Только отчества и имена. Причём, именно в таком порядке. Да и возраст у многих далеко не студенческий – 25–30 лет. О Монголии тогда вообще знали немного, признаются бывшие преподаватели. В основном то, что написано в школьных учебниках: Улан-Батор – столица, Чойбалсан – маршал, юрта – национальное жилище. Да ещё то, что в начале 30-х годов у них официально отменили фамилии как пережиток феодализма. Так что познание культуры, традиций и особенностей этой древней страны происходило уже во время личного общения.

Курьезных, а порой и деликатных моментов было немало. Например, приучали студентов мыться, пользоваться санузами, которых в Монголии почти не было. А об одном случае до сих пор вспоминает весь педагогический коллектив. Сегодня он кажется смешным, а 55 лет назад – это было почти ЧП... Почти каждую неделю по несколько монгольских студентов увозили прямо с занятий с приступами аппендицита! Дело в том, что монголы открыли для себя такую русскую забаву, как семечки. Но они не грызли их, а ели прямо с шелухой.

Русский язык монголы осваивали на удивление быстро. Так что дальнейшее обучение пошло веселее. Ведь на производственной практике без знания языка делать нечего. А практиковались не только в мастерских при училище, но и на крупных промышленных предприятиях Магнитки. Говорят, монгольская молодёжь с удовольствием слушала «нашу» оперу, ходила на спектакли и в кино, участвовала в самодеятельности.

Но, конечно, не всё в этой интернациональной истории было гладко. За восемь лет каких только случаев с иностранцами не было! И большинство из них были связаны с алкоголем. По словам очевидцев, алкоголь на неспорченные цивилизацией монгольские организмы действовал убийно. Они быстро пьянели и засыпали. Иногда прямо на улице. Везти их в городской вытрезвитель не решались. Зачем показывать иностранцам неприглядную изнанку советской жизни? Вот и пришлось устроить свой «домашний» вытрезвитель.

Монгольские студенты обучались в Магнитке с 1964 по 1972 году. За это время училище подготовило 1200 специалистов. Преподаватели с гордостью вспоминают, что их бывшие ученики не зря осваивали русский язык и многочисленные премудрости строительного дела. Впоследствии многие из них добились в профессии неплохих успехов. А некоторые преподаватели, работавшие с монгольскими студентами, были отмечены медалями правительства Монголии.

Знаменитого ГПТУ № 15 – некогда одного из лучших в области – больше не существует. Его расформировали. Связь с бывшими учениками со временем оборвалась. Нет уж и многих преподавателей. Но те, кто жив, нет-да и вспомнят, как готовили кадры для Монгольской Народной Республики, как учили их русскому и сами понемногу осваивали монгольский.

■ **ПАМЯТЬ**

В судьбе рода Журавлёвых отразилась целая эпоха

Связь поколений

Фото из личного архива Журавлёвых

АЛЕКСАНДР ЖУРАВЛЁВ, почётный пенсионер ММК, ветеран труда федерального значения

В преддверии 85-летия Магнитки «Магнитогорский металл» публикует немало материалов об истории города – его зарождении, строительстве и жизни людей – как первостроителей, так и современников. И я тоже хочу рассказать о своей семье.

Родители мои, Михаил Федотович и Федосия Семёновна Журавлёвы, родом из казаков села Катенино Варненского района. Дед, Федот Владимирович, воевал на фронтах первой мировой войны. Затем революция, гражданская война, становление советской власти. Дед остался верен присяге, царю и отечеству до конца и в составе частей белой армии эмигрировал в Китай. Об этом я узнал только в 1991 году, когда власть и порядки в стране стали меняться. Получил весточку судьбе дела. Дома об этом никто не говорил. Родители прожили свою жизнь в постоянном страхе перед репрессиями и гонениями.

Федот Владимирович вскоре вернулся домой, стал работать, чтобы кормить семью и поднайти детей. Пытался создать какой-то кооператив, немного учительствовал и занимался земледелием. Но подошла коллективизация. Дед посоветовал моему отцу вместе с женой и маленькой дочкой уехать из села, сказал, что на новом месте им будет лучше. Так в 1930 году родители перебрались в Карталы. Здесь отец устроился в паровозное депо. А тем временем на Магнитострой уже ехал народ. Поехали и родители.

В январе 1931 года отец устроился работать в горнорудное управление слесарем. Образование у него было четыре класса. Быстро освоил работу, стал передовиком производства. Поощрялся благодарностями, грамотами, премиями, отрезом мануфактуры. Жили сначала в землянке, затем переселились в барак. Жизнь налаживалась.

А дед тем временем был добровольно-принудительно выслан в город Серов, на север Урала. Впоследствии, работая

и репрессий. Знакомый отца вскоре наткнулся на проверку и был арестован. Отец испугался, бросил всё и бежал, даже не уволившись с работы.

Бежал, бежал и... добежал аж до 14-го участка. Там разрабатывали карьер по добыче гранитного камня, переработке его на щебень и крошку для нужд стройки. Отец устроился на гранитный карьер слесарем по ремонту оборудования. И здесь стал передовиком производства. За десять лет прошёл путь до главного механика гранитного карьера треста «Магнитострой».

В годы Великой Отечественной был направлен на ДОК главным механиком. После войны его перевели на цементный завод треста «Магнитострой».

Везде ему приходилось вновь осваивать оборудование, изучать техническую литературу, набираться специальных знаний. Учился на курсах мастеров, шофёров, курсах повышения квалификации. Прошёл полный курс в индустриальном техникуме, но началась война, и защита диплома сорвалась. После войны с новыми силами продолжил

на лесоповале, попал под мотовоз и погиб. Бабушка Степанида Васильевна после его смерти приехала в Магнитку и жила с моими родителями. Умерла она в 1959 году, похоронена в Магнитке. Где могила деда, неизвестно.

Отец продолжал успешно работать, но однажды приоткрыл односельчанина, попросившего помощи в трудоустройстве. В те годы много людей бежали из села в поисках лучшей жизни и чтобы уйти от преследований

и репрессий. Знакомый отца вскоре наткнулся на проверку и был арестован. Отец испугался, бросил всё и бежал, даже не уволившись с работы. Бежал, бежал и... добежал аж до 14-го участка. Там разрабатывали карьер по добыче гранитного камня, переработке его на щебень и крошку для нужд стройки. Отец устроился на гранитный карьер слесарем по ремонту оборудования. И здесь стал передовиком производства. За десять лет прошёл путь до главного механика гранитного карьера треста «Магнитострой».

В годы Великой Отечественной был направлен на ДОК главным механиком. После войны его перевели на цементный завод треста «Магнитострой».

Везде ему приходилось вновь осваивать оборудование, изучать техническую литературу, набираться специальных знаний. Учился на курсах мастеров, шофёров, курсах повышения квалификации. Прошёл полный курс в индустриальном техникуме, но началась война, и защита диплома сорвалась. После войны с новыми силами продолжил